

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

"NOVOYE RUSSKOYE SLOVO" 178-2nd Ave. New York

ВНИМАНИЮ РУССКИХ ШКОЛ

— Магазином —
«НОВОГО РУССКОГО СЛОВА»
— получены —

**УЧЕНИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ
В КОСЮЮ ЛИНЕЙКУ**

Цена экземпляра... 5с.

При заказе большим количеством
оптовая скидка.

Заказы меньше 10 экземпляров по
почте не выполняются.

— Заказы адресуйте: —

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO

178 Second Avenue New York City

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

Гробокопатели

Поток воспоминаний. — Два лица. — Мольба Гончарова. — Кого вы-
ва. Достоевский? — Анализ Чехова. — Сов. приказ.

Кажется, ни в одной стране не поддается столько воспоминаний о прошлом и о писателях, как в Советской России, которая так завлечет ее правители, без-
поворотливо порвала с прошлым. И получается так, что будто бы «революционная» страна, смотрящая, по уверению ее правителей, только вперед, в то же время необыкновенно заботливо роется в могилках, извлекая оттуда крупны-
цы жемчуга. Это можно понять так. Будущее неизвестно и не может быть сколько-нибудь точно определено, а настоящее невыносимо тягостно. Вот почему писатели, не могущие восторгаться тем, чего нет еще и не имеющие права изображать в истинном свете настоящее, останавливаются на прошлом. И так как установлен шаблон для изучения минувшего, общественную жизнь прошлого можно изображать только так: «Было проклятое время, во ему положил конец прекрасный, идеальный во всех отношениях коммунистический строй», то понятно, что сколько-нибудь независимые писатели копаются в жизни сколько-нибудь известных лиц, сошедших со сцены.

Никогда, кажется, в России не появилось столько исследований о воспоминаниях и воспоминаниях, как теперь. Надо заметить, что удельный вес этих мемуаров, вообще говоря, очень невелик, а историческое значение проблематично. Приведу несколько примеров. Престарелый П.В.Быков, издавший ныне свои воспоминания, не знает достаточно резких слов, когда вспоминает о поэте Миняеве, — личности пренебрежительной, отталкивающей, с разухабистыми манерами, с отрывистым голосом. Я раскрываю теперь другие воспоминания. Написаны они блестящим русским критиком в 1891 году, когда была очень строгая цензура, но всё-таки не такая, как теперь. «С пером же слов, которыми мы обменивались», — говорит Н.К.Михайловский, — я почувствовал, что это не тот Миняев, что он точно вымыт или «выстиран», как выразился ехавший с нами же Г.И.Данилов. Перемена была необыкновенно резкая, а такой перемены не было... После этой поездки я довольно близко сошелся с Миняевым, бывал у него... и из всех много случаев убедиться, какой благородная душа, какое нежное сердце систематически в течение многих лет заливались слезами». (Н.К.Михайловский. «Литературные воспоминания и современная смута». С.П.Б. 1900 г. т. I, стр. 26).

Вольно еще пример, доказывающий, что к «воспоминаниям» надо относиться необыкновенно осторожно и что удельный вес их

крайне невелик. П.В.Быков вспоминает почти с благоговением про известного редактора «Русского Слова» и «Дела» Благовещенского. «Это был тип настоящего политического борца, идеала, честного публициста, всесторонне образованного, фанатика своих убеждений. Образованный редактор, он работал неутомимо, без отдыха. Нередко весь дом спокойно спал, а он крошеч до самого утра над чьей-нибудь статьей, переправляя ее по своему, в духе своего журнала, вставляя целые абзацы.

«Нашу публику надо еще учить, школить», — говорил он в редакции. — Не стесняйтесь, ставьте точки над i, не жалейте красок, носом, носом, носом инстинктивно публику на то, что ей следует знать и понимать».

Так вспоминает теперь престарелый литератор П.В.Быков. Обращаясь теперь к воспоминаниям о том же Благовещенском, написанным не в 1930 г., а в 1891 г., т. е. когда впечатления у автора о редакторе «Русского Слова» и «Дела», несомненно, были живее, чем у Быкова. Автору — Н.К.Михайловскому, притом, было тогда не 87 лет, как П.В.Быкову теперь, а только 49. «Наши отношения (с Благовещенским) выяснили мне только одну сторону его характера — какую-то необыкновенную грубость, аляповатость всего, что он говорил и делал», — пишет Н.К.Михайловский в первом томе цитированной уже книги. — Аляповаты были его любезности, аляповат был, если не образ мыслей его, то по крайней мере, способ их выражений, но всего, конечно, аляповатее были его любезности, с которыми мне пришлось очень скоро познакомиться. Результатом этих «алюповатостей» было то, что Михайловский и Благовещенский «очень скоро разошлись, даже не разошлись, а разошлись» («Воспоминания». Т. I, стр. 20).

Так как об одном и том же человеке не могут существовать диаметрально противоположные мнения, притом оба верны, то значит, «воспоминания» о поэте Миняеве, о редакторе Благовещенском и др. имеют очень мало значения сами по себе. Мы можем сказать только, что, по всей вероятности, воспоминания Н.К.Михайловского об этих лицах более верны, чем воспоминания П.В.Быкова. Более верны они потому, что и литературный талант Н.К.Михайловского и П.В.Быкова был несоизмерим, и возраст не одинаков, и условия печати другие.

Напрасно в 1889 году престарелый И.А.Гончаров писал очерк «Нарушение воли». Напрасно знаменитый беллетрист моли то-

гда: «Завещаю и прошу и прямых и непрямых моих наследников и всех корреспондентов и корреспондентов, также издателей журналов и сборников всего старого и нового не печатать ничего, что я не напечатал, или на что не передал права издания, и что я напечатал при жизни сам, конечно, между прочим, и писем. Пусть письма мои остаются собственностью тех, кому они написаны, и не переходят в другие руки, и потом предадутся уничтожению».

Завещание, несмотря на категоричность его, не исполнено поскольку это касается и И.А.Гончарова и других. «Едва умерший закроет глаза, как его так-называемые друзья пускаются на поиски писем, собирают их, приводят в порядок, издадут, — скорбно жаловался Гончаров. — Можно судить, какая мысль выступает наружу из сопоставленных на очную ставку между собою разнообразных, нередко разноречивых отзывов, мнений, против воли и желания писавшего». «Ты умер, мы и пропечатаем тебя до самой утробы».

Никогда прежде «не пропечатывали до самой утробы» покойных писателей, как теперь в России. Литературные гробокопатели закрыли своими «изысканиями» весь образ покойного писателя и всё то, что он сам оставил. Разыскали гробокопатели мелочи, пустяки и прямо надор. Любопытно, что лучше всего мы знаем произведения писателей, про жизнь которых ничего неизвестно. Классическим примером является Шекспир.

Крайняя безцеремонность проявляется теперь гробокопателями не только к литературным деятелям, отошедшим и не отошедшим в вечность, но и к создателям авторов. Никогда, кажется, так не старались «угадать», кого именно «изобразил» писатель, как теперь. Мне припоминаются образы и карикатуры, фигурирующие у Достоевского: Фома Опискин, Бармазин, Иван Матвеевич (из рассказа «Крокодил»). Говорят, в Опискине гениальный романист окаррикатурил Гоголя, а Бармазинева — Тургенева, а в Иване Матвеевиче — Чернышевского. (Последнее опровергалось самим Достоевским, но утверждение осталось).

Что же дало нам знание, кого именно думал изобразить в своих карикатурах Достоевский? Ничего не дало! — скажу я. Фома Опискин — бездарный бумаго-мала, тогда как Гоголь — красавец русской литературы. В такой же степени глупо и бесполезно «угадать» Тургенева по Кармазинову. Мы очень хорошо можем знать «Ивана Матвеевича» и не иметь никакого представления о Чернышевском, как писателе. Писатели тратят свое время напрасно,

доказывая сходство этих карикатур с оригиналами. Автор, когда берет живое лицо для своего произведения, меняет его совершенно, подчиняет творческому воображению своему. В одном образе, выведенном у беллетриста, автор сочетал 5 или 10 «первообразов». Так делал Толстой: так делал и Чехов.

Теперь посмотрите на труды современных гробокопателей. «Анализируются», например, рассказ Чехова «Попрыгунья». «Гробокопатель» доказывает, что героиня рассказа Ольга Ивановна Дымова «списана» с Софьи Петровны Кувшинниковой, жены московского полицейского врача, а художник Рыбковский — это Левитан». Доказательства «неопровержимы»: у Кувшинниковой стоявшая была так же устроена в русском стиле, как в рассказе Чехова. Мне припоминаются «Письма» Чехова. Автор изумляется, каким образом Москва решила, что молоденькая «Попрыгунья» это есть 45-летняя «тетка» Кувшинниковой. Теперь гзу-

ная сплетня эта повторена гробокопателями и пошла гулять.

«Это исполнение моей воли (т. е. не печатать писем и не «пропечатывать до самой утробы») и будет моею наградой за труды и лучшими пенками за мою могилу», — писал Гончаров. Автора «пропечатали» после его смерти. Но всё то, что сделала с Гончаровым, бледнеет перед деянием других гробокопателей, роющих теперь в могилках покойных писателей. В России это гробокопательство вполне понятно. За работу эту, совершенно бесполезную, берутся писатели, которым ничего не остается, как рыться в могилках. «Или узнавая, кто такая Ольга Дымова, или строчи гимны и воспевай, чего советское правительство думает достигнуть через пять лет». Таков выбор, стоящий перед писателем, живущим в России. Скрепя сердце, писатель предпочитает взяться за могильную лопату, чем за советский барабан.

Джонс.